

В защиту

norman rockwell

Открытие. Рисунок для обложки журнала «Post» (29 декабря 1956 г.) Худ. Норман Роквэлл.

Деда Мороза

Часть I

Любовь Орлова

*Пришел Дед Мороз,
К нам пришел Дед Мороз.
Он игрушек и хлопушек
И конфет нам принес.*

(С. Вышеславцева, «Хоровод»)

ГДЕ У ГОДА НАЧАЛО?

*У всех Новый год
И у нас Новый год!
(С. Вышеславцева, «Хоровод»)*

Не знаю как Вас, а меня Дед Мороз и в этом году порадовал, да и семью мою не обидел. И хотя мы люди вменяемые, да и ребенок наш уже вышел из елочно-сказочного возраста, все равно по-прежнему кладем подарки друг для друга под елку и несколько пред- и посленовогодних дней живем в мифе рождения Нового Года, в котором желания, загаданные под бой курантов, сбываются, Новый Год входит в дом через оставленную открытой форточку, а Дедушка Мороз приносит каждому то самое, заветное, сулящее новые радости и свершения.

Дед Мороз – персонаж новогодний, однако стал частью самого праздника, имеющего длинную историю, относительно недавно. Традиционно начало нового годового цикла совпадало на Руси с началом весны и посевных работ. С принятием христианства восточные славяне присоединились к церковной традиции и стали начинать год с 1 сентября, как было установлено еще при императоре Константине Великом. Вслед за этим, в 1492 году указом великого князя Ивана III и гражданский новый год стали начинать одновременно с церковным – 1 сентября, приурочив к этой

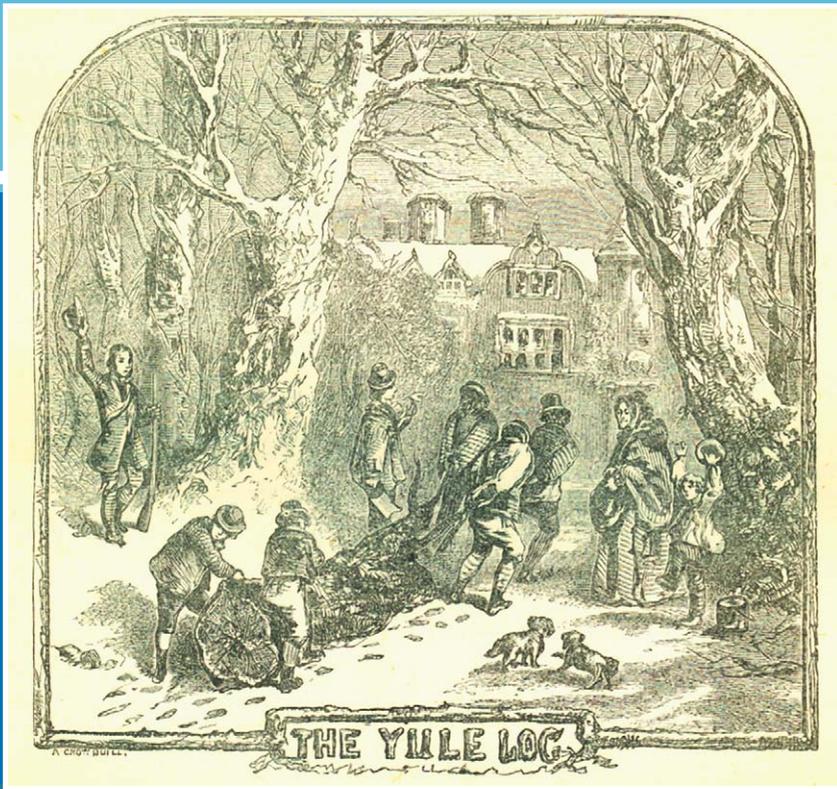
С принятием христианства восточные славяне присоединились к церковной традиции и стали начинать год с 1 сентября, как было установлено еще при императоре Константине Великом. Вслед за этим, в 1492 г. указом великого князя Ивана III и гражданский новый год стали начинать одновременно с церковным – 1 сентября, приурочив к этой дате сбор пошлин, податей, оброков.

Водан.
Иллюстрация Артура Рэкхема к изданию либретто Рихарда Вагнера «Золото Рейна и Валькирии» (1910 г.)

дате сбор пошлин, податей, оброков. Этот день был отмечен торжественным выходом патриарха и царя к народу, который мог обращаться лично к царю с прошениями. Известный своей любовью к западным образцам Петр I постановил первым днем года считать «1 января», как в большей

части Европы, и велел праздновать новолетие торжественно с украшением домов хвоей и массовыми фейерверками. Но праздник не прижился, потому что календарный переход из прошлого года в будущий терялся в череде святочных дней, наполненных разгульным весельем в честь наступившего

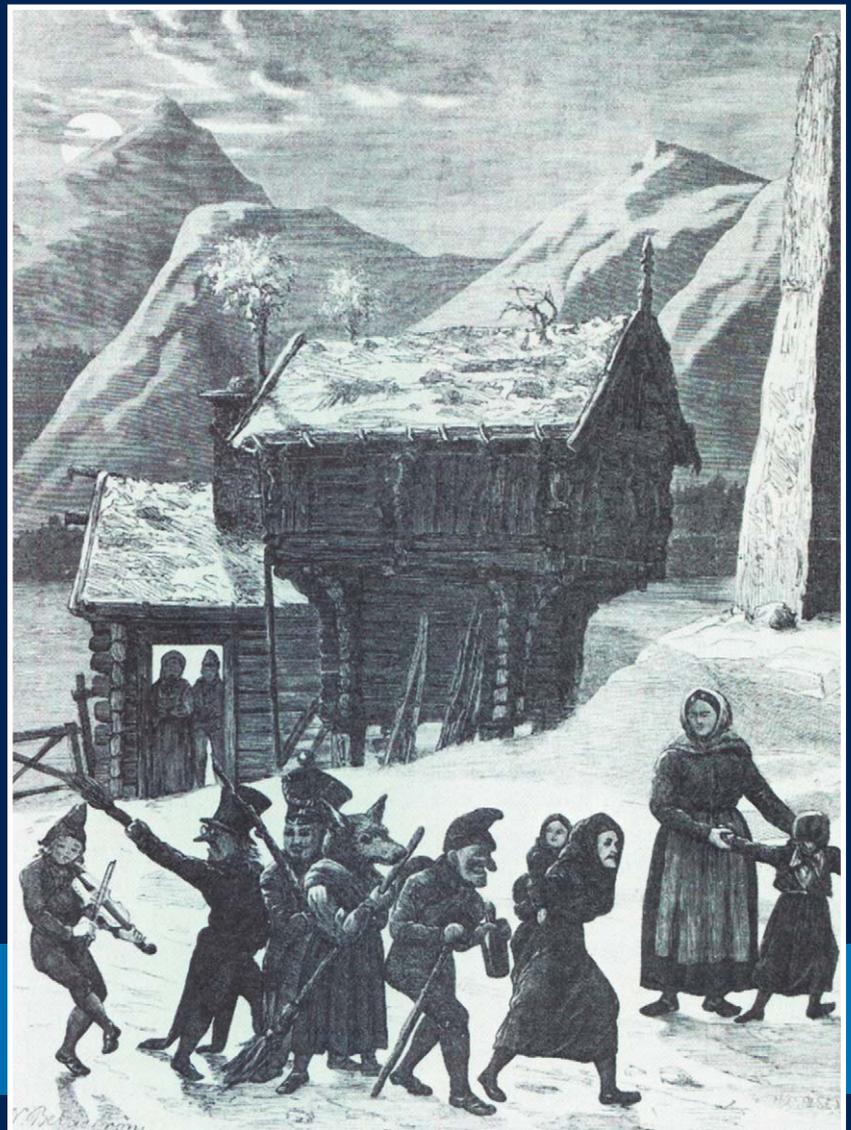

Йольское полено. Гравюра из книги Роберта Чеймберза «The Book of Days» (1864 г.)

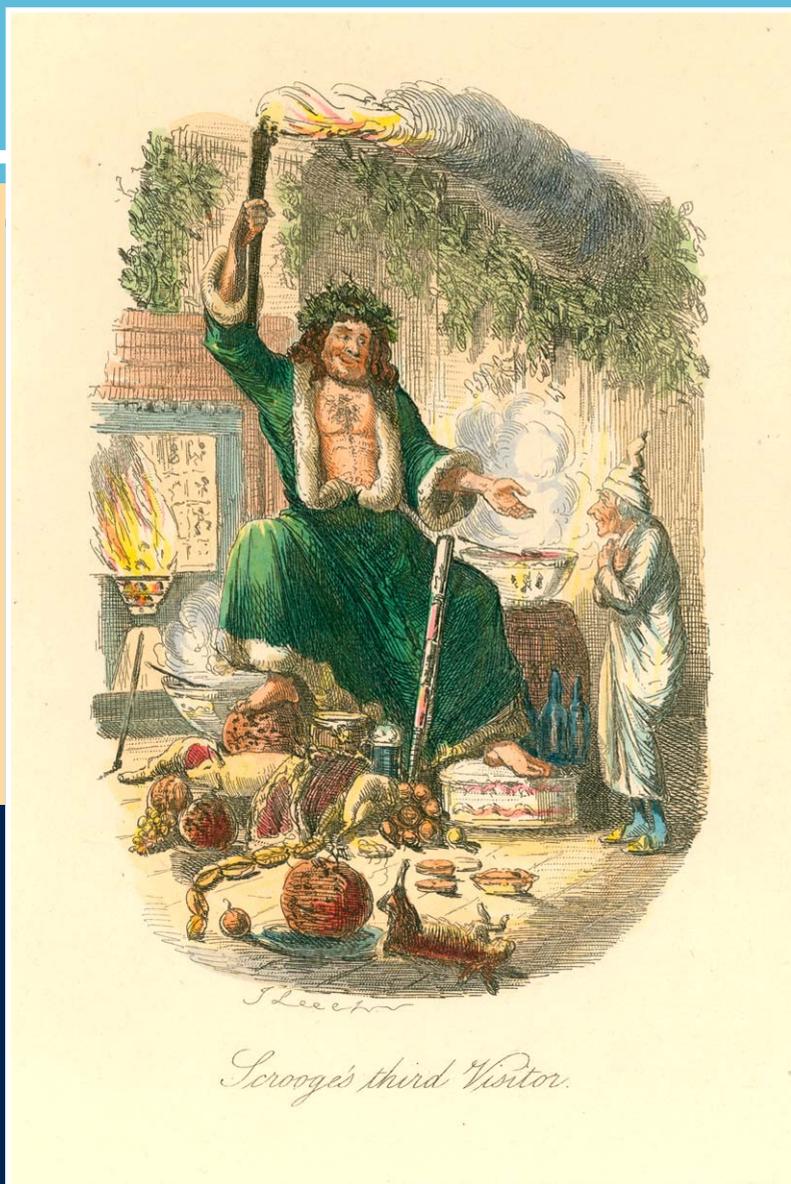
ниана 535 г., везде (кроме армянской церкви) пришли к единой дате – 25 декабря. Утвердившись в этот день, Рождество по времени вошло в цикл зимних календарных праздников, многие из которых в той или иной форме продолжали отмечаться и в христианское время, несмотря на их древние языческие корни. Дохристианские и христианские традиции празднования так плотно перемешались, что теперь исследователи ломают копья в попытках разобраться, какой из обрядов достался в наследство от языческого прошлого, а какой был сформирован внутри христианской церкви.

Рождества, и насыщенная традиция зимних праздников не вместила еще один введенный свыше ритуал.

Рождество, как известно, праздновалось во всем христианском мире с I века нашей эры. Еще в Апостольских Постановлениях, авторство которых приписывают Клименту Римскому, говорится о праздновании Рождества. Церковная традиция предписывает в качестве подготовки к празднику сорокадневный пост, в день праздника – ночную праздничную службу, накануне которой читаются «Великие, или Царские Часы», а после службы – праздничную трапезу, знаменующую окончание поста. После Рождества начинается двенадцатидневный период Святков – время радости и прославления Христа. И хотя изначально Рождество Господне праздновали в разных частях христианского мира в разное время: в декабре, в январе на Богоявление, и даже в марте, в зависимости от того, какими источниками пользовались при вычислении; уже с VI века, после эдикта Юсти-

Рождественские колядки в Норвегии. Гравюра Б. Бергстрёма. 1869 г.

Третий посетитель Скруджа (Дух нынешних Святок). Раскрашенная гравюра Джона Лича к повести Чарльза Дикенса «Рождественская песнь». 1843 г.

Все стены и потолок были убраны живыми растениями, и комната скорее походила на рощу. Яркие блестящие ягоды весело проглядывали в зеленой листве. Свежие твердые листья остролиста, омелы и плюща так и сверкали, словно маленькие зеркальца, развешенные на ветвях, а в камине гудело такое жаркое пламя, какого и не снилось этой древней окаменелости, пока она находилась во владении Скруджа и Марли и одну долгую зиму за другой холодила без огня. На полу огромной грудой, напоминающей трон, были сложены жареные индейки, гуси, куры, дичь, свиные окорока, большие куски говядины, молочные поросята, гирлянды сосисок, жареные пирожки, плумпудинги, бочонки с устрицами, горячие каштаны, румяные яблоки, сочные апельсины, ароматные груши, громадные пироги с ливером и дымящиеся чаши с пуншем, душистые пары которого стлались в воздухе, словно туман. И на этом возвышении непринужденно и величаво восседал такой веселый и сияющий Великан, что сердце радовалось при одном на него взгляде. В руке у него был факел, несколько похожий по форме на рог изобилия, и он поднял его высоко над головой, чтобы хорошенько осветить Скруджа, когда тот просунул голову в дверь.

– Войди! – крикнул Скруджу Призрак. – Войди, и будем знакомы, старина!

Скрудж робко шагнул в комнату и стал, понутив голову, перед Призраком. Скрудж был уже не прежний, угрюмый, суровый, старик, и не решался поднять глаза и встретить ясный и добрый взор Призрака.

– Я Дух Нынешних Святок, – сказал Призрак. – Взгляни на меня!

Скрудж почтительно повиновался. Дух был одет в простой темно-зеленый балахон, или мантию, отороченную белым мехом. Одевание это свободно и небрежно спало с его плеч, и широкая грудь великана была обнажена, словно он хотел показать, что не нуждается ни в каких искусственных покроях и защите. Ступни, видневшиеся из-под пышных складок мантии, были босы, и на голове у Призрака тоже не было никакого убора, кроме венчика из остролиста, на которых сверкали кое-где льдинки. Длинные темно-каштановые кудри рассыпались по плечам, доброе открытое лицо улыбалось, глаза сияли, голос звучал весело, и все – и жизнерадостный вид, и свободное обхождение, и приветливо протянутая рука, – все в нем было приятно и непринужденно. На поясе у Духа висели старинные ножны, но – пустые, без меча, да и сами ножны были порядком изъедены ржавчиной.

– Ты ведь никогда еще не видал таких, как я! – воскликнул Дух.

– Никогда, – отвечал Скрудж.

(Чарльз Дикенс, «Рождественская песнь»)

ПРАЗДНИК СОЛНЦЕВОРОТА

*И солнце словно отдохнуло
Решило в это время года:
Взойдет, свершит свой краткий
путь
И вновь уходит с небосвода
(Н.Наджми, «Зима»)*

Само Рождество и следующие за ним Святки пришлись на дни празднования зимнего Солнцестояния, отмечавшегося как славянами, так и многими другими народами. Древние жители Европы считали, что в эти дни, когда солнце «поворачивает на лето», завершается при-

родный цикл и начинается новый, что можно понимать как начало нового года.

Древние скандинавы, например, называли эти дни Йоль или Йуль. Дни Йоля – переходный период между старым и новым, когда солнце рождается заново и вместе с ним

«Король веселья» – еще одно имя Духа Рождества. Английская гравюра 1864 г.

обновляется мир. Считалось, что в эти переходные дни граница между миром людей и иным миром особенно тонка, и через нее в мир людей могут проникнуть существа как из верхнего, так и из нижнего мира. Вера в такую возможность подтверждается среди прочего и тем фактом, что во второй части «Младшей Эдды» – «Языке поэзии» (Skáldskaparmál) – богов называют «существами йюля». Кроме того, главный бог скандинавского пантеона Один во многих

источниках зовется Jólnir, поскольку именно в йоль он верхом на восьминогом Слепнире совершает свою знаменитую «дикую охоту», ставшую впоследствии мотивом многих художественных произведений. Некоторые исследователи считают, что именно он был для скандинавов главным персонажем праздника Солнцеворота. Англосаксонские племена Британии также верили, что бога Водана¹, можно увидеть в 12 ночей Йюля (как называли этот праздник) скачущим

Само Рождество и следующие за ним Святки пришлись на дни празднования зимнего Солнцестояния, отмечавшегося как славянами, так и многими другими народами. Древние жители Европы считали, что в эти дни, когда солнце «поворачивает на лето», завершается природный цикл и начинается новый, что можно понимать как начало нового года.

¹ Водан (древнесакс. Wodan, англо-сакс. Wōden) – верховный бог у древних германцев, аналог древнескандинавского Одина. Первоначально почитался как бог бури. Римляне отождествляли Водана с Меркурием. Англосаксонские и скандинавские династии вели свой род от Водана. Некоторые представления о Водане сохранились в народных немецких преданиях; так он является вожаком «дикой охоты». В некоторых местностях Северной Германии сохранилось имя Водана в народных песнях и поговорках, однако, совсем потеряв свое первоначальное значение. – Прим. ред.

по небу со своей свитой и двенадцатью собаками. Возможно, именно Один-Водан послужил прообразом возникшего гораздо позднее немец-

кого Weinechtsmann и английского Father Christmas, но об этом позднее.

Некоторые считают, что именно в Йоль древние германцы соверша-

ли обряд поклонения ели. Однако достоверные свидетельства на этот счет отсутствуют. Известно, что германцы, несомненно, поклонялись

Слева:

Поклонение волхвов. Худ. Ян Госсарт. Около 1510 г.
Национальная галерея, Лондон.

Справа:

Св. Николай. Створка Полиптиха Кваратези Худ. Джентиле да Фабриано. 1425 г.
Галерея Уффици, Флоренция.

Можно сказать, что главными гостями на празднике были предки, с которыми устанавливалось общение вследствие совместного вкушения ритуальной пищи, которых угощали для того, чтобы они оставались во все прочее время года в своем мире, и для того, чтобы они оттуда покровительствовали и помогали живым.

священным деревьям: Тацит свидетельствует о существовании у них священных рощ. Поклонялись они как целым рощам, вроде описанных у Тацита, или той, которой поклонялся Торир из «Книги о занятии земли» (часть 3), так и отдельно стоящим деревьям, вроде «*roborem quondam mirae magnitudinis, qui prisco paganorum vocabulo appellatur robor Iobis*» («дуба необычайных размеров, чье древнее языческое название Дуб Юпитера») из истории св. Бонифация Винифреда. Особым почетом у них пользовались фруктовые деревья. Но существует и свидетельство о дереве, в описании которого угадывается ель. В книге Адама Бременского «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви», в схолии² 134 описывается языческий храм Упсаль: «*Около святилища растет большое дерево с раскидистыми ветвями, зеленеющее и зимой, и летом, и никто не знает, какова природа этого дерева*». Поклоняясь

деревьям в священных рощах, германцы развешивали на них трупы принесенных в жертву животных: по их представлениям именно смерть освящала деревья.

У славян, как западных, так и восточных, дни поворота с зимы на весну также были отмечены близостью иного мира. К сожалению, ввиду скудности источников мы не можем ничего сказать о том, насколько боги славянского пантеона были задействованы в этом празднике, и был ли, например, Коляда или Каляда, божеством, рождавшимся вместе с солнцем, или просто персонификацией праздника. Однако мы точно знаем, что в сохранившихся народных ритуалах важное место отведено культуре предков. Их ждали на праздничную трапезу, которая по традиции до сих пор в Рождество начинается с кутьи, блюда ритуального, предназначенного как для живых, так и для отошедших в мир иной

предков. Поэтому, можно сказать, что главными гостями на празднике были предки, с которыми устанавливалось общение вследствие совместного вкушения ритуальной пищи, которых угощали для того, чтобы они оставались во все прочее время года в своем мире, и для того, чтобы они оттуда покровительствовали и помогали живым.

² Схолия, схолии (греч. σχόλιον лат. Scholium) – в латинских и греческих текстах критические или объяснительные замечания на полях, взятые из более объемистых сочинений. – Прим. ред.

Св. Николай.
Мастер Легенды о Св. Лючии. Конец XV в.
Музей Грёнинге, Брюгге.

ДАРЫ И ДАРИТЕЛИ

*В Рождество все немного волхвы...
(И. Бродский,
«24 декабря 1971 года»)*

Кроме предков, доля участия которых в новогодних праздниках велика, среди персонажей, традиционно связанных с зимними кален-

дарными праздниками выступают многие святые, дни которых отмечаются в конце ноября, декабре и начале января. Св. Мартин, св. Люция, св. Стефан, св. Николай. Однако из этих святых только св. Николай стал участвовать в ритуале собственно Рождества или Нового года, остальные чествуются каждый в свой день. Их связь с новогодними праздни-

Среди персонажей, традиционно связанных с зимними календарными праздниками выступают многие святые, дни которых отмечаются в конце ноября, декабре и начале января. Св. Мартин, св. Люция, св. Стефан, св. Николай. Однако из этих святых только св. Николай стал участвовать в ритуале собственно Рождества или Нового года.

ками устанавливается лишь если толковать расширительно сами праздники, говоря не только о дне Рождества или Нового года, но и о предпраздничной подготовке и следующих за праздником днях торжества и веселья. Связанные с ними ритуалы различны, но ни один из этих святых не является дарителем. Приходят на Святки и «три короля», Каспар, Балтазар, Мельхиор, которые почтили дарами родившегося младенца Иисуса, поднеся ему золото ладан и мирру. В Испании и Франции три мальчика или юноши, одетые как восточные цари, верхом подъезжали к собору и приносили в него подарки для младенца Христа, что может рассматриваться как коллективный дар общины церкви родившемуся Богу. И только св. Николай дарит подарки людям, к которым приходит.

Наиболее развит аспект дарения в ритуале колядования. Пожалуй, нет такого европейского народа, у которого не было бы в той или иной форме колядования. Во Франции, например, этот обряд называется в разных диалектах *guillaneu*, *aguilaneuf*, *aguilaneu*, *eghinane*, и совершается молодыми людьми, которые, как и в русской традиции, часто наряжаются и надевают маски. Они являются в дома с пожеланиями благополучия и песнями-просьбами (*chansons de quêtes*), за которые их одаривали сушеными фруктами, яблоками, апельсинами, сладостями, орехами, пирогами, иногда подносили вино или вручали небольшую сумму денег. Эти дары, которые назывались *étrennes* (от латинского *strenae* – примета, предзнаменование), обладали силой магического воздействия и призваны были обеспечить и дарителей, и одариваемых благополучием. В дохристианские времена этот ритуал был связан с поклонением божествам и духам, и подарки преподносились именно им в лице одетых в маски соплеменников, а поэтому призваны были

День Св. Николая. Худ. Ян Стен. Около 1660 г.
Рейксмузеум, Амстердам.

На картине Стена изображено утро 6 декабря, когда дети обнаруживают подарки, оставленные в их башмачках Св. Николаем. Мальчик расстроен отсутствием подарка, а девочка радуется полученной фигурке святой и различным сладостям.

Рождественские открытки конца XIX – начала XX в.

задобрить те силы, от которых зависела жизнь людей, и обеспечить благополучие на весь год.

ПОЯВЛЕНИЕ ДЕДА

*Мой брат (меня он перерос)
Доводит всех до слез
Он мне сказал, что Дед-Мороз
Совсем не Дед-Мороз!*

*(А.Барто,
«В защиту Деда-Мороза»)*

В середине XIX века немецкая традиция семейного празднования Рождества с ёлкой и подарками привилась в России и обросла своим ритуалом, который стал осмысляться и оформляться в мифологические представления. Они, безусловно, были не лишены западных заимствований, но в основе своей имели национальный характер и рождались в результате попыток дать ответы на детские вопросы: «Кто принес ёлку?», «Кто

дарит подарки?» Детям говорили, что ёлку принес Младенец Иисус, ведь Рождество – Его праздник. Во второй половине XIX века среди образов, связанных с Рождественской ёлкой, появляется старик. Сначала в качестве игрушки-украшения старик в шубе и с мешком в руках оказывается на ветвях ели. Потом в качестве главной елочной игрушки он ставится под ёлку. Подобную фигуру старика видит под праздничной ёлкой мальчик, загля-

Синтерклас. Рисунок Ри Крамер для рождественского выпуска газеты «Haagache Post» (25 декабря 1929 г.)

дывающий в окно чужого дома, в рассказе А.В. Круглова «Заморыш». Такие фигуры устанавливали под Рождество в витринах кондитерских и игрушечных магазинов. «Вот где-то в Морской или Караванной, старичок, весь в снегу, Борей, что

Синтерклас (Sinterklaas) – Св. Николай (или Санта-Клаус) у голландцев и бельгийцев. Все дети ждут его приезда 5 декабря, когда он в сопровождении свиты шествует по улицам городов, а затем присутствует на приеме в ратуше. По сложившейся традиции, Синтерклас приплывает по морю из Испании. Его сопровождают юные помощники, так называемые Черные Питы (Zwarte Piet) – мальчики, одетые как арапча. Именно они в течение всего года следят за детьми, чтобы кто достоин рождественского подарка, а кто нет. Непослушные дети или ничего не получают, или обнаруживают в оставленных накануне 6 декабря (День Св. Николая) башмачках веник трубочиста (по внешнему виду напоминающий розги). Образ Синтеркласа возводят к Одину, который также является на коне, в сопровождении двух неизменных черных спутников – воронов.

Домашнее рождественское представление с приходом Отца Рождества. Английская гравюра 1866 г.

Отец Рождество. Худ. Артур Рэкхем. 1907 г. ➔
Частное собрание.

На стенах при помощи Волшебного фонаря и картонных фигур показывались «туманные картины». Одно из таких представлений описывает Ф.В. Домбровский в своей книге «Елка» (1896 г.): «вдруг зала... осветилась красным огнем, и мы увидели старика, едущего на больших санях, запряженных медведем, с громадной елкой в руках... Остановясь посередине зала, старик слез с саней и поставил елку на пол».

ли, с бумажным деревом, весь обвешан разными вещами!» – так описывает И.А. Гончаров в 1875 году готовящийся к празднику город. Фигура старика появляется и в представлениях, которые устраивались в некоторых состоятельных домах. На стенах при помощи Волшебного фонаря и картонных фигур показывались «туманные картины». Одно из таких представлений описывает Ф.В. Домбровский в своей книге «Елка» (1896): «вдруг зала... осветилась красным огнем, и мы увидели старика, едущего на больших санях, запряженных

медведем, с громадной елкой в руках... Остановясь посередине зала, старик слез с саней и поставил елку на пол». А в очерке «К праздникам», написанном В.В. Михайловой в 1884 году, рассказывается, как «маленькую Катю... одели старичком с ёлочкой в руках, и старичка этого поставили на стол с игрушками». В Санкт-Петербурге в пред- рождественские дни в лавках торгующих елками и у уличных торговцев стали появляться гипсовые фигуры старика одетого в шубу и лапти, с елкой в руках. Возможно, изначально это был всего лишь образ того

старика, который привозит из лесу елку в город. Однако, вероятно, он не был избавлен от западного влияния со стороны таких рождественских персонажей как Père Noël, Father Christmas, Babo Natale, Santa Claus, Sinterclaas. Их появление и дальнейшее существование достойно отдельной истории, но в силу их родственной связи и функциональной близости с Дедом Морозом, нельзя не сказать о них несколько слов.

Некоторые источники утверждают, что и Père Noël, и Babo Natale – лишь другие именованья св. Николая. Святой Николай, епископ города Миры в Ликии, как мы видим из его Житий, заслужил репутацию дарителя, сострадающего нуждам, и был особенно чтим именно за это. Именно он

опускает монетки в оставленные у порога башмаки бедняков, и именно он снабжает наследством бесприданниц. День его поминовения приходится на 6 декабря или 19 декабря по юлианскому календарю. Близость его дня к Рождеству, и особая милость этого святого к детям привели к тому, что святой Николай стал участником Рождественского празднования.

По другой версии, Père Noël пришел на смену Père Janvier, более древнему персояжу, возможно, связанному с календарными праздниками на территории Франции. И произошло это в период с середины XIX до начала XX века. Babo Natale также появился только в XX веке. Очевидно, эти рождественские персонажи возникли под влиянием англий-

В эпоху Тюдоров «Капитан Рождество» (Captain Christmas), «Рождественский Господин» (The Christmas Lord) или «Принц Рождество» (Prince Christmas) был организатором и главным персонажем сезонного праздника в домах аристократии и колледжах. Пуритане пытались бороться со святочным разгулом и с персонажами, участвующими в празднике, но тщетно.

ской традиции, а их имена являются лишь переводом с английского. Английский Father Christmas, Отец-Рождество, по своему происхождению, скорее всего, является персонификацией самого праздника и «Святочным гостем» (Yuletide visitor). Первое упоминание о нем относится к середине XV века: некий Sir Christēmas появляется в рождественском песнопении, написанном Ричардом Смартон, приходским священником в деревушке Плимтри (Девон), где-то между 1435 и 1477 годами. Рождественский гимн написан в форме разговора между человеком,

изображающим персонаж Sir Christēmas, и приветствующей его группой:

**Nowell, Nowell, Nowell, Nowell,
«Who is there that singeth so?»
«I am here, Sir Christēmas.»
«Welcome, my lord Christēmas,
Welcome to us all, both more and less
Come near, Nowell!»³**

Sir Christēmas приносит вести о рождении Младенца Христа и призывает слушателей выпить за это:

³ *Рождество, Рождество, Рождество, Рождество
«Кто там поет?»
«Это я, сэр Рождество»
«Добро пожаловать, мой господин Рождество
Добро пожаловать к нам всем, большим и малым
Подходи ближе, Рождество!»*

Слева:

Колядки по-английски.

Гравюра из «Книги Рождества» (1836 г.) Томаса К. Харви.

Традиция святочного хождения из дома в дом с пением рождественских гимнов (*wassailing*) появилась в Англии, как предполагают историки, еще во времена норманнского завоевания, а первое упоминание в литературных источниках относится к XIV в. Само слово «*wassail*» происходит из староанглийского и соответствует современному восклицанию «*Cheers!*» – «Ваше здоровье!» В современном языке под ним подразумевают и само колядование, и бражничество, и пирушку, и даже рождественский тунни.

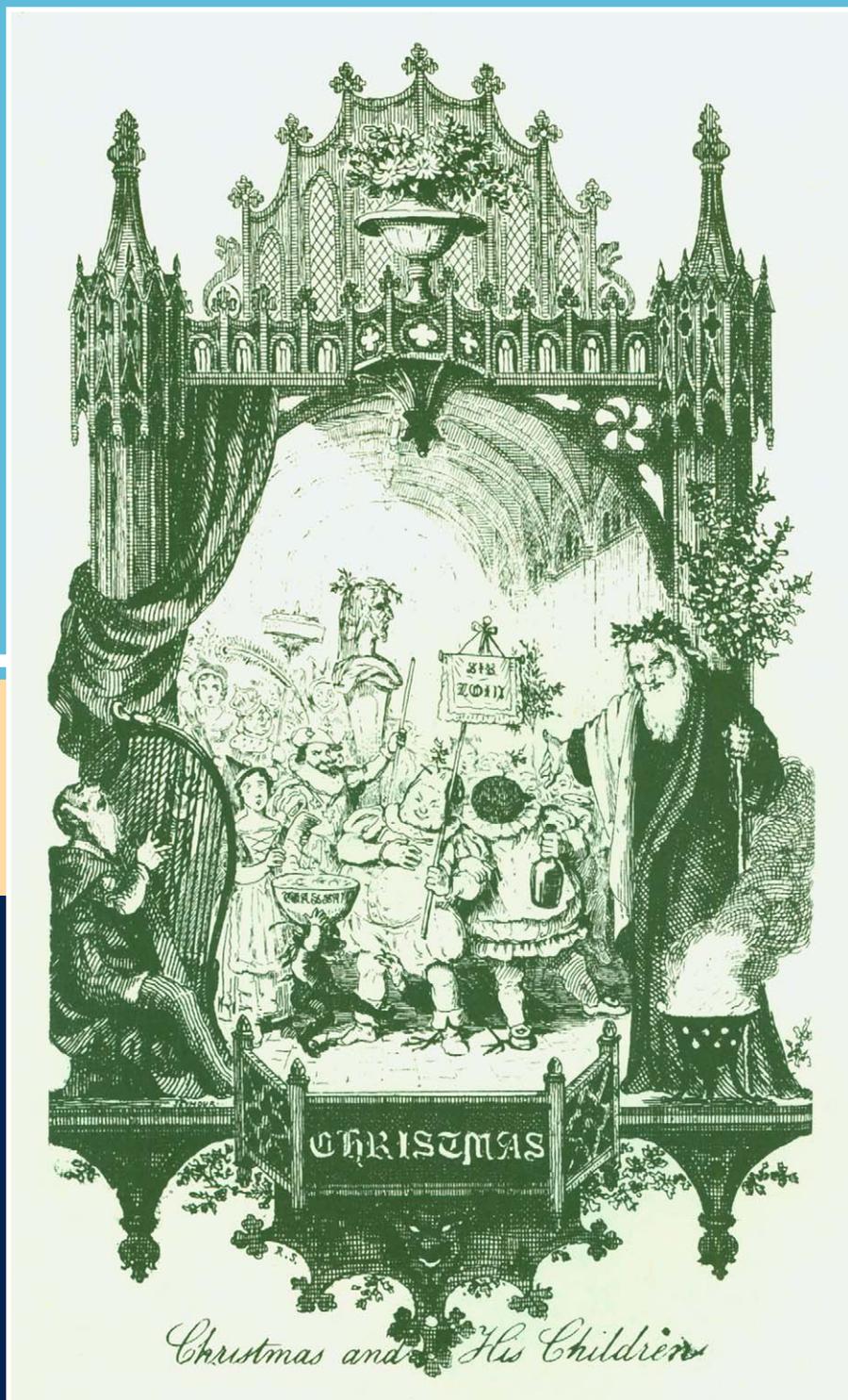
Традиционным временем колядований считается Двенадцатая ночь – конец Июля, т.е. ночь с 5 на 6 января. Однако до введения григорианского календаря в 1752 году святочное пение рождественских гимнов устраивали на «Старую Двенадцатую ночь» – 17 января.

Справа:

Фронтиспис к «Книге Рождества» (1836 г.) Томаса К. Харви. Гравюра Роберта Симора.

**«Buvez bien par toute la campagne,
Make good cheer and be right merry.»⁴**

В эпоху Тюдоров «Капитан Рождество» (Captain Christmas), «Рождественский Господин» (The Christmas Lord) или «Принц Рождество» (Prince Christmas) был организатором и главным персонажем сезонного праздника в домах аристократии и колледжах. Пуритане пыгались бороться со святочным разгулом и с персонажами, участвующими в празднике, но тщетно. В XIX веке «Отца Рождество» (Father Christmas) можно встретить, например, на страницах произведений Диккенса. В XX веке облик его варьируется, но постепенно под влиянием американской традиции начинает все больше напоминать Санта Клауса. Санта Клаус же, выросший и сформировавшийся на американской почве, впоследствии в силу своей безусловной харизмы начинает оказывать влияние на персонажей,

сформированных в рамках европейской праздничной культуры.

РУССКИЙ МОРОЗ ИВАНОВИЧ

*Улицей гуляет
Дедушка Мороз,
Иней рассыпает
По ветвям берёз...*

(С. Дрожжин, «Дедушка Мороз»)

На российскую традицию празднования Рождества американский Санта Клаус не оказывал значительного влияния. Конечно же, Европа была ближе, и заимствования шли, как напрямую – через материальную культуру, так и через литературу. Почти одновременно с привнесением немецкого обычая на русскую почву происходит знакомство

⁴ *Вьттем хорошенько всей компанией,
Будем веселиться и радоваться.*

Рождественский дед.
Немецкая открытка конца XIX в.

Персонаж современного Рождественского деда (Weihnachtsmann) появился в XIX веке с легкой руки немецкого художника Моритца фон Швиндта. В 1847 г. гравюры по его рисункам под названием «Господин Зима» (Herr Winter) были напечатаны в «Мюнхенском лубке» (Münchener Bilderbogen) – так назывались иллюстрированные вкладыши на больших листах, выпускавшиеся издательством «Braun & Schneider». Этот первый немецкий Дед Мороз выглядел коренастым старичком с седой бородой. Он был одет в объемное пальто с капюшоном и высокие сапоги, напоминающие русские валенки, а поверх остроконечного капюшона красовался венок из листьев (возможно, остролиста). На одной из гравюр в руках у Господина Зимы была маленькая ёлочка.

Норвежская рождественская фотографическая открытка. ➔
1890-е гг.

с литературными образами, связанными с рождественскими праздниками. Немецкая литература, безусловно, способствовала укоренению немецкой традиции празднования Рождества в России. Более поздняя

волна англomanии⁵ привлекла внимание к текстам Диккенса, и, возможно не без участия этих текстов, на русской почве возникает такой персонаж как Рождественский или святочный дед. В комментариях

Господин Зима в Рождественскую ночь.
Гравюра по рисунку Моритца фон Швиндта.
«Münchener Bilderbogen» (№5, 1847).

⁵ Англomanия существовала в узких кругах русского дворянства с конца XVIII века как альтернатива более широко распространенному франкофильству. С середины XIX века англomanия получает более широкое распространение.

Кристkind и Господин Зима приносят рождественские подарки.
Иллюстрация из книги А. Байш «Die kleine Feuerwehr» (1892 г.)

В семьях немецких католиков, а также в Австрии, Южном Тироле, немецких кантонах Швейцарии рождественскими подарками детей одаривает Младенец Иисус или Кристkind (Christkind). Историки полагают, что образ Кристkinda появился во времена Мартина Лютера, который стремился порвать связи с традиционными католическими святыми, в том числе и со Св. Николаем. К тому же он считал, что рождение Спасителя – единственный важный подарок Всевышнего человечеству. Таким образом, в протестантских семьях дети стали получать подарки не 6 декабря, а 25 января. К XX веку «протестантский» Кристkind в некоторых странах прижился и у католиков, но в результате все же в значительной степени был вытеснен и у тех, и у других Рождественским дедом (Weihnachtsmann). На старинных гравюрах сияющего Младенца Иисуса носят по воздуху ангелы. Обычно они подлетают к окнам детских спален, чтобы божественное чудо могло порадовать своим присутствием ожидающих гостиницы детей. Сейчас Кристkind появляется на рождественских торжествах в образе златокудрой девушки в белоснежном или золотом платье.

Рождественский дед с ликом Св. Николая. Немецкая елочная игрушка, конец XIX – начало XX в.

к рассказу Д.Н. Мамина-Сибиряка «Песня мистера Каль» есть такие строки: *«Существуют детские поверья (у французов, у немцев), что ёлку и другие святочные подарки приносит детям святочный старик, – добрый волшебник, «рождественский дед».* Рождественским дедом называли его и позднее, в начале XX века, как и «святочным

дедом», и «ёлочным дедом». Однако, одновременно с западноевропейскими влияниями и в противовес им шло литературное оформление образа, взятого из национальной культуры. Поэтому можно сказать, что сам факт существования персонажа, участвующего в празднике Рождества, был, безусловно, заимствован, как и сама ёлка, из

Визит св. Николая. Худ. Роберт Уолтер Уир.
Около 1837 г.
Нью-Йоркское историческое общество.

западной традиции, но основные его черты сформировались под влиянием национальной литературы и фольклорной традиции.

В 1840-е годы выходят в свет «Детские сказки дедушки Иринея» В.Ф. Одоевского, в одной из которых («Мороз Иванович») фольклорный образ и сюжет предстают в литературной обработке. Действие в сказке разворачивается не на Рождество, и не в Новый Год, а весной. Мороз Иванович живет в колодце оттого что *«жарко становится»*. И не он приходит к детям, а они к нему, да и подарки его – это лишь плата за службу. Рукодельницу он за хорошую работу одаривает *«горстью серебряных пяточков»*, а Ленивицу проучивает – дает ей за работу сосульку. И все же образ узнаваем: *«добрый Мороз Иванович»* – *«седой-седой» старик, который как «тряхнет головой – от волос иней сылется»*, живет в ледяном доме, а спит на перине из пушистого снега. Он заботится о людях: укрывает озимые всходы, стучит в окна, чтобы люди не забывали печи топить и трубы закрывать вовремя. Говорит о необходимости *«нищенским помогать»*. Нравоучительная сказка Одоевского использует фольклорный сюжет, вариации которого существуют у многих народов. Его добрый и справедливый наставник Мороз Иванович вырос из образа фольклорного Морозко и обрядового Мороза.

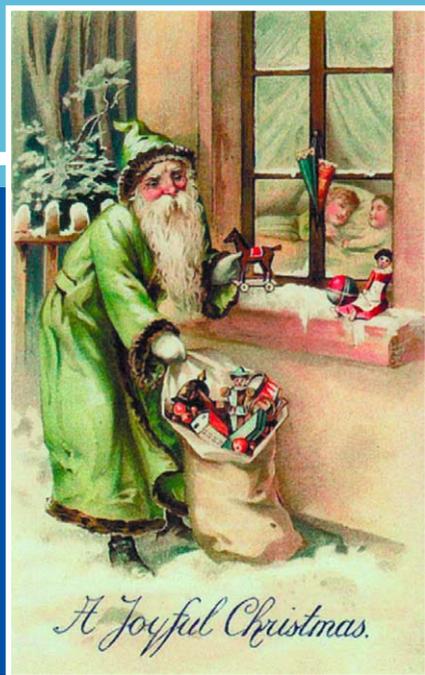

шали ритуальное кормление Мороза, приглашали его на трапезу. В пределах святочной недели в разных губерниях «кликали» Мороза на трапезу в разное время: в Сочельник – во Владимирской и Псковской, в Васильев вечер – в Смоленской, в канун Крещения – в Псковской. Обряд закликания обычно проводил старший в доме: либо по

Обряд закликания обычно проводил старший в доме: либо по возрасту – старший мужчина или женщина, либо по статусу – хозяин или хозяйка. Он выходил с ложкой ритуальной пищи из дому и произносил специальную приговорную формулу. Пища, которой угощали Мороз, была обязательным блюдом соответствующих праздничных трапез.

К этому последнему, как существу крайне важному для аграрной России, внимание не ослабевало вплоть до начала XX века. В некоторые переломные моменты года, которые в православной традиции приходятся на Святки, Чистый Четверг и Пасху, совер-

важностю – старший мужчина или женщина, либо по статусу – хозяин или хозяйка. Он выходил с ложкой ритуальной пищи из дому и произносил специальную приговорную формулу. Пища, которой угощали Мороз, была обязательным блюдом соот-

ветствующих праздничных трапез. Чаще всего Мороз зазывали на овсяный кисель, в западных областях России и в Белоруссии – на кутью, а в Псковской губернии помимо кутьи готовили также овсяные блины. Если обряд совершали до праздничного застолья, то Морозу выносили первую ложку, если после, то остатки трапезы. Закликание Мороза часто совершали на крыльце, или выходили в огород, оставляли ему еду на окне снаружи или ставили в подпол. Знаменательно, что все эти места в традиционном созна-

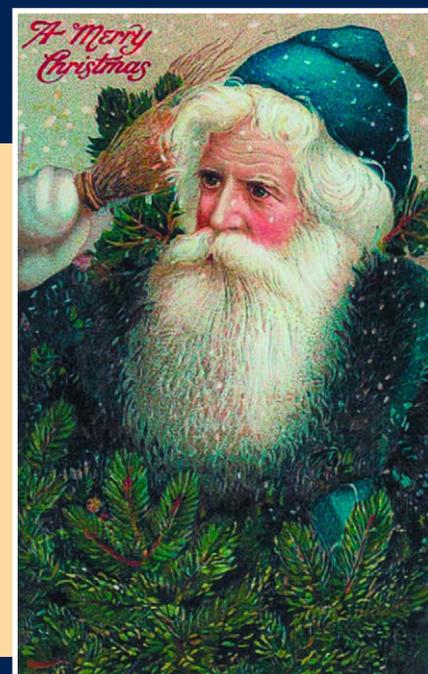
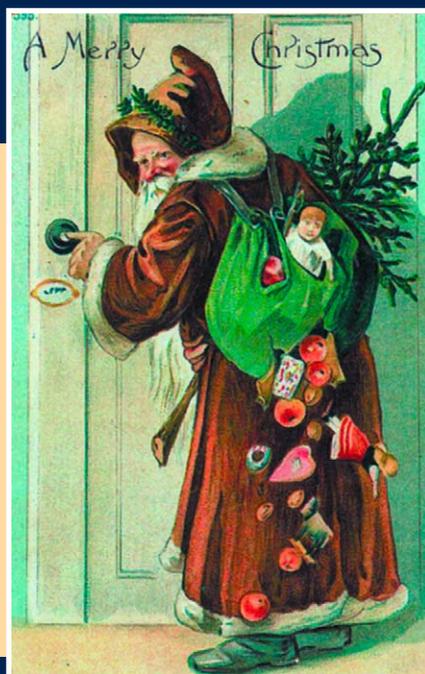
нии отмечены как пограничные между пространством своего и чужого, мира этого и мира иного (крыльцо, порог, окно), являются каналами между мирами (печная труба) или теми локусами, где могут появляться существа из иного мира (подпол, огород). Смысл обряда явствует из словесной формулы, сопровождавшей ритуал:

**Мороз, мороз
Ступай к нам кисель есть
Не бей рожь и житарь
А на посконь воля твоя.**

Или так:

**Мороз, мороз,
Поди к нам кисель с молоком хлебать,
Чтоб тебе наше жито и поле
оберегать,
Градом не бить, червем не точить,
И всему бы в поле целу быть.**

Здесь Мороз призывают «оберегать» посевы, однако, его забота по предотвращению загнивания и градобития как раз и состоит в том, чтобы отсутствовать. То есть, его призывают прийти откушать и далее,

На развороте:
Рождественские открытки начала XX в.

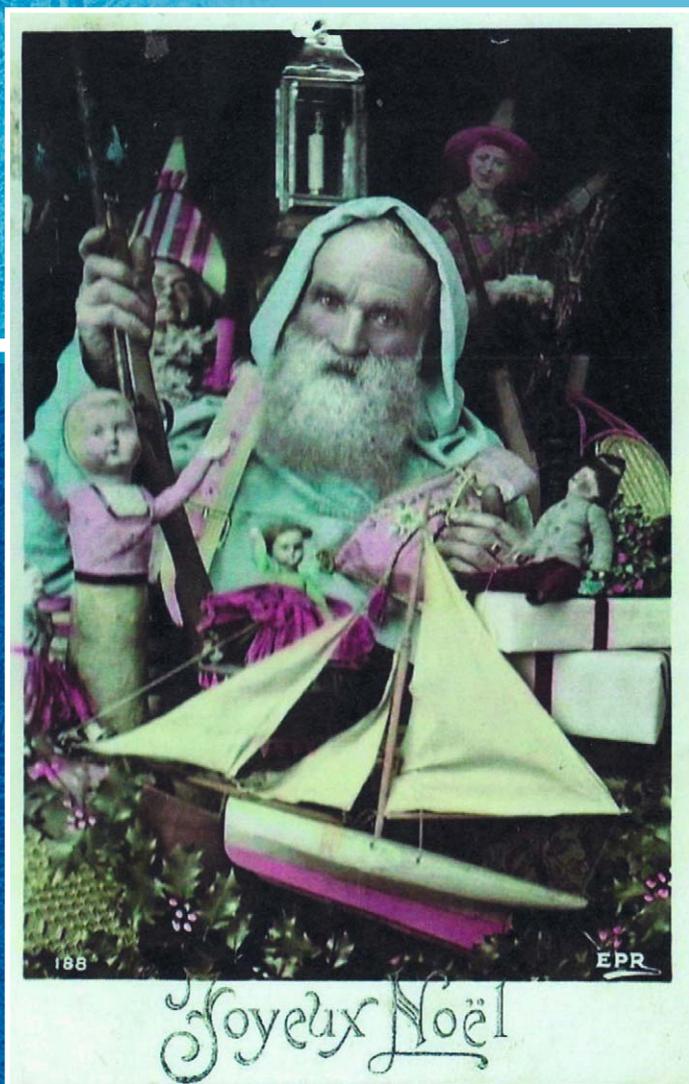
по-возможности, не покидать границы иного мира, лежать «под гнилой колодой», как это говорится в некоторых текстах. Поэтому в некоторых заговорах звучат слова угрозы: «Цепом голову проломлю, метлой очи высеку». В Рязанской губернии кликанье мороза разыгрывается колядовщиками, один из которых берет на себя роль Мороза и обращается к хозяевам дома: «Подай-ка чарочку, а не поднесешь чарочку, – я преподнесу тебе палочку: я – мороз и помолочу твой овёс». На это хозяин дома должен был отвечать: «Ой, мороз, мороз, на тебе чарочку – ты не трожь мой овёс, гречиху да рожь; а лен, канати, как хочешь, молоти».

Кормление Мороза кутьей, которая до сих пор является поминальной пищей, и тот факт, что умерших родственников часто называли обобщенно «деды», а в Полесье сочельническая кутья так и называется «дзеды» – все это указывает на близость Мороза, которого также в некоторых заличках называют «дедом», и умерших родственников. В.Н. Виноградова, например, полагает, что упоминание Мороза, как и других существ, в ритуале кормления во время Рождественской трапезы, говорит о запрете упоминания реальных имен умерших предков, которым в действительности предназначалась кутья, и о замещении их имен именами этих существ: мороза, градовой тучи, ржи, бели, различных зверей и птиц, колдунов, чертова сына и проч. Однако, по-

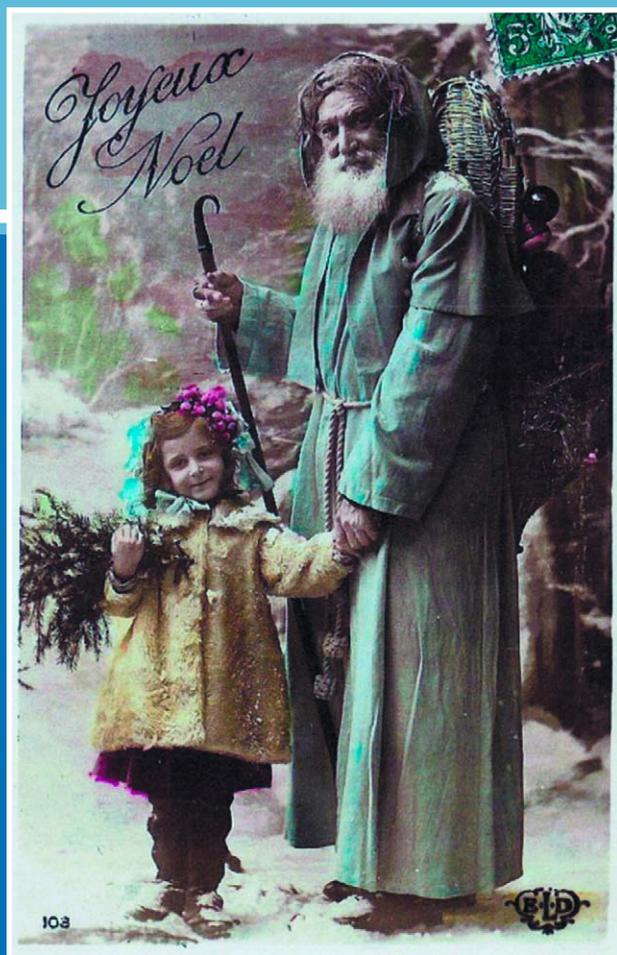

видимо, несмотря на типологическое сходство ритуалов кормления умерших предков и других существ, в том числе и Мороза, эти существа объединены лишь тем, что принадлежат иному миру. Однако, не исключено, что в какой-то момент Дед Мороз может мыслиться как персонификация природной стихии в некоем духе-предке.

Не исключено, что в какой-то момент Дед Мороз может мыслиться как персонификация природной стихии в некоем духе-предке. И дух этот, если не предпринять попыток установления с ним связи, может быть весьма грозным и вредоносным по отношению к человеку. В фольклоре он живет в быличках и поговорках как Трескунец, Студенец, который ходит по деревне и стучит своей палицей в стены и которым пугают детей, а в сказках – как всем известный Морозко.

Рождественские фотографические открытки.
Франция, начало XX в.

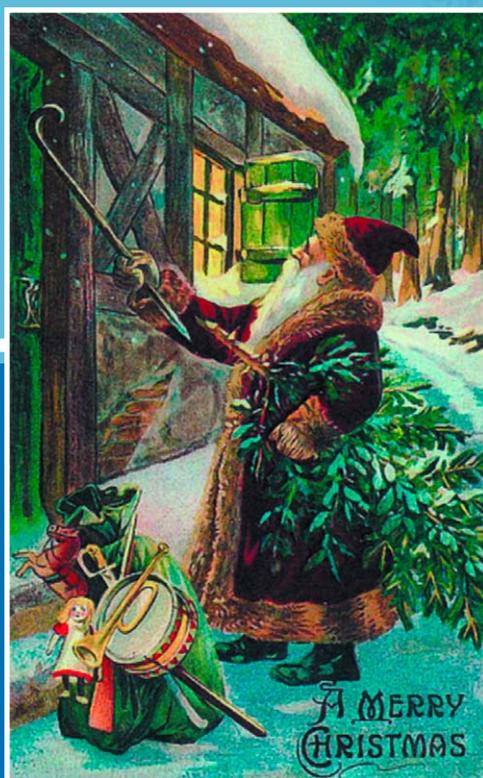
И дух этот, если не предпринять попыток установления с ним связи, может быть весьма грозным и вредоносным по отношению к человеку. В фольклоре он живет в быличках и поговорках как Трескунец, Студенец, который ходит по деревне и стучит своей палицей в стены и которым пугают детей, а в сказках – как всем известный Морозко.

В русской поэзии он ярче всего написан, пожалуй, у Н.А. Некрасова в поэме «Мороз

Красный Нос» (1863 г.) Здесь он «*чародей*», грозный «*воевода*», хозяин необъятных земель, где человек может быть только гостем, да и то, если отважится, ведь Мороз любит «*дурачить*» «*и конных, и пеших*», любит «*кровь вымораживать в жилах и мозг в голове леденить*» и, в конце концов, замораживает насмерть крестьянку Дарью, героиню поэмы.

Примерно в то же время в 1873 г. появляется Мороз у А.Н. Островского в поэтиче-

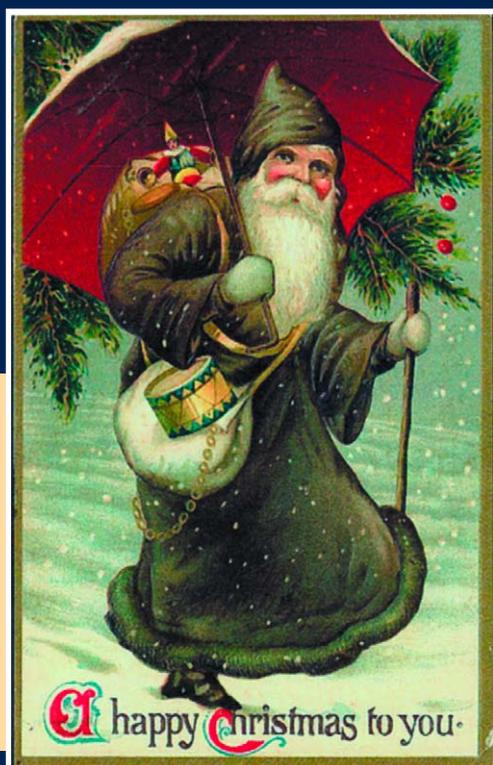
Так же несовместима природа Мороза со всем, чем жив человек – с теплом, любовью, движением – в стихотворении педагога и фольклориста Д.Н. Садовникова «Весенняя сказка» (1880 г.) «Жестокий Мороз» «ходит с клюкой» в неподвижном ледяном «царстве суровой Зимы» и «все, кому жизнь дорога» ушли от Мороза.

Иллюстрации на странице: Рождественские открытки начала XX в.

ской сказке «Снегурочка» как один из родителей главной героини, как одна из стихий, составляющих природу Снегурочки. От Мороза ей досталось в наследство холодное сердце, которое не может тронуть любовь.

Так же несовместима природа Мороза со всем, чем жив человек – с теплом, любовью, движением – в стихотворении педагога и фольклориста Д.Н. Садовникова «Весенняя сказка» (1880 г.) «Жестокий Мороз» «ходит с клюкой» в неподвижном ледяном

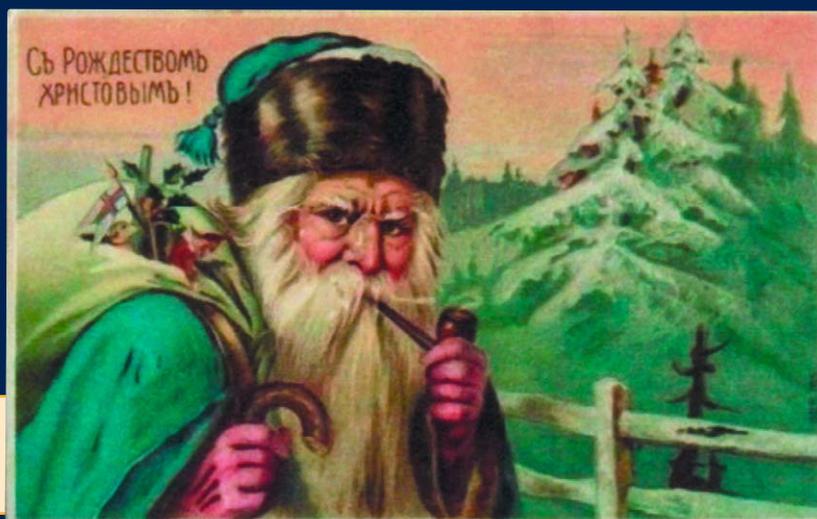
На развороте:
Рождественские
открытки начала XX в.

Но одновременно с этим образом в поэзии появляется его положительный двойник, главной функцией которого становится формирование «здоровой» погоды и сотворение зимних «волшебств», предоставляющих и детям и взрослым возможность веселиться, развлекаться, закаляться и т.д. на лоне природы.

«царстве суровой Зимы» и «все, кому жизнь дорога» ушли от Мороза. У К. Бальмонта в стихотворении «Солнце, Ветер и Мороз» Мороз ясно обозначен как хтоническое⁶ существо, по своей природе противоположное и Солнцу и Ветру:

⁶ Хтонические существа (от греч. χθών – земля, почва) – существа, изначально олицетворявшие собой дикую природную мощь земли, подземное царство и т.д. – Прим. ред.

**Шел дорогой я один,
Вижу: Солнце, Божий сын.**

**Вижу: Ветер, Божий брат,
И Мороз, идущий в Ад.**

Но одновременно с этим образом в поэзии появляется его положительный двойник, главной функцией которого становится формирование «здоровой» погоды и сотворение зимних «волишебств», предоставляю-

щих и детям и взрослым возможность веселиться, развлекаться, закаляться и т.д. на лоне природы. На создание этого образа начинает «работать» и некрасовский «Мороз, Красный Нос», из которого для детского пользования берется только фрагмент «*Не ветер бушует над бором...*» Здесь главный герой, изъятый из контекста поэмы, выступает как воевода, неограниченный властитель зимнего леса и волшебник, убирающий свое царство в «*алмазы, жемчуг, серебро*».

← Старый Крис.
Худ. Ньюэлл Конверс Уайет. 1925 г.
Частное собрание.

Санта. Рисунок для обложки журнала «Post»
(4 декабря, 1920 г.) Худ. Норман Рокуэлл.
Частное собрание.

Как огромного доброго волшебника с седой бородой его описывает в своем стихотворении детская поэтесса рубежа веков М.П. Клокова:

**Весь он белый, весь в обновах, весь в звездах,
В белой шапке и в пуховых сапогах.
Вся в серебряных сосульках борода.
У него во рту свистулька изо льда.**

.....
**Зашагал он, закачал он головой,
Засвистал он в свой свисточек ледяной.
Все снежинки по сугробам улеглись.
Все снежинки огонечками зажглись.**

У А.А. Коринфского он – «старый дед в одежде серебристой», который строит «терема, палаты и дворцы», устраивает детям снежные горки и каток на речке, «чтоб они резвились и смеялись / Дендильской от дедовских затей».

Как хозяин леса, Мороз спасает зверей «от ружья, от силков, от капкана, / Когда снегам покроеет поля...», заботится о елочке, «ужутывая ее снежком».

Так, питаясь от фольклорно-мифологических представлений о грозном и жестоком Морозе, русская поэзия участвовала в формировании нового образа Дедушки Мороза, склоня чашу весов его двойственной природы от угрозы всему живому к доброму покровительству и расположению к людям, от суровости к заботе о природе и лесных обитателях, от непредсказуемости к справедливости. Соответственно и отношение к нему менялось от леденящего ужаса к удивлению красоте и радостному оживлению и даже восторгу от его появления и его деяний.

Тот факт, что школьные учебники составлялись в соответствии с календарем, естественно, способствовал тому, что все подобранные стихотворения о зиме и морозе были на слуху, заучивались, поэтому и старик с ёлкой, появившийся в дни Рождественских праздников и как елочная игрушка, и как украшение витрины, очень скоро начинает опознаваться как Дед Мороз. Литература и материальная культура шли навстречу друг другу в создании его образа, который в результате вобрал в себя многие черты и сказочного Морозко и персонажей западноевропейской традиции, и многие образные характеристики, угаданные поэтами. Таким образом, в первые десятилетия XX века Дед Мороз стал полноценным членом и детской ёлки, и Рождественских праздников вообще.

Так, питаясь от фольклорно-мифологических представлений о грозном и жестоком Морозе, русская поэзия участвовала в формировании нового образа Дедушки Мороза, склоня чашу весов его двойственной природы от угрозы всему живому к доброму покровительству и расположению к людям.